

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. Аспекты теории фразеологии. М., 2008. 656 с. (Studia philologica).

Российская (а точнее – советская) лингвистика, лидировавшая в 1940–60-х гг. в исследованиях фразеологии (достаточно упомянуть быстро обретшую популярность и поныне многими признаваемую классическую типологию фразеологизмов В.В. Виноградова, с одной стороны, и ставшую самым востребованным достижением модели «Смысл-текст» теорию лексических функций И.А. Мельчука и А.К. Жолковского – с другой), к началу XXI в. в значительной степени утратила свои позиции в этой сфере, изрядно подрастеряв накопленное преимущество.

В распоряжении автора рецензии нет точных библиометрических данных (а самостоятельное их выведение потребовало бы серьезного отдельного изыскания), однако по субъективному ощущению количество отечественных исследований в этой области остается значительным: наука, в особенности вузовская, производит множество диссертаций по фразеологии. С их качеством, однако, равно как и с соответствием современным тенденциям развития научной рефлексии над языком дело обстоит иначе: теоретический уровень

русской фразеологии – за очень небольшими исключениями – остается относительно невысоким. Целые области новых исследований фразеологии, сформировавшиеся в последние десятилетия, практически выпали из сферы внимания российских лингвистов.

В частности, это относится к таким направлениям, как экспериментальное изучение психолингвистических аспектов восприятия фразеологизмов, исследование синтаксических особенностей поведения идиом, дискурсивного аспекта фразеологии, фразеологизмов-конструкций (в том смысле, который термин «конструкция» имеет в грамматике конструкций Ч. Филлмора и его последователей), места идиом в различных версиях порождающей грамматики. Все это весьма скудно представлено в отечественной литературе по фразеологии, и вряд ли приходится этому удивляться с учетом того факта, что сами теоретические подходы, в которые вписаны перечисленные направления исследований фразеологизмов (за частичным исключением теории дискурса), во многом остаются чуждыми отечественной лингвистической мысли. Сколько-нибудь детальное обсуждение этой проблематики в данной рецензии, однако, неуместно, поэтому достаточно ограничиться ссылкой на сохранение элементов ныне вполне добровольной «герметичности» отечественной лингвистической науки – герметичности, конечно, не тотальной, но вполне заметной, особенно в традиционно бывших сильными в русистике областях.

Желание преодолеть такую герметичность явно было одним из стимулов к развитию того масштабного – как по охвату материала, так и количеству затраченного на него времени и труда – исследования, результаты которого в теоретическом формате представлены в монографии А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, в которой – и это первая из ее ключевых особенностей – обсуждаются некоторые из тех аспектов феномена фразеологизмов, которые экзотичны для отечественной фразеологии. Во-вторых, книга не случайна для самих авторов – это результат их серьезной и весьма продолжительной работы. По списку литературы видно, что первые публикации авторов по фразеологическим проблемам относятся к 1980-м годам. Наконец, в-третьих, нельзя не отметить, что выдвигаемые авторами теоретические положения основываются на впечатляющем массиве исследованного языкового материала: это и база данных по современной русской идиоматике, и вышедший в 2007 г. «Словарь-тезаурус современной идиоматики» [Словарь-тезаурус 2007], и специально ориентированные на фразеологию корпуса текстов,

и, наконец, совсем недавно опубликованный «Фразеологический объяснительный словарь русского языка» [ФОСРЯ 2009]. Все это авторы и их коллеги из Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН создали за почти тридцать лет своей деятельности по исследованию фразеологизмов.

Важнейшее теоретическое достижение, которое можно усмотреть в рецензируемой монографии, – это подробный и почти исчерпывающий анализ важнейших категорий фразеологии, идиоматичности и устойчивости, содержащийся в Главе 1 («Идиоматичность и понятие идиомы»). Категория идиоматичности сводится авторами к более простым понятиям («факторам»), а именно переинтерпретации значения, непрозрачности и усложнению способа указания на денотат; их определения даются на с. 30–31. Эти факторы представляют собой различные «аспекты» (в терминологии авторов), или проявления, нерегулярности в сфере семантики, которые и порождают идиоматичность. В книге показано, что эти факторы могут действовать автономно, а могут и пересекаться, причем последнее происходит очень часто. Так, в идиомах *арана заправлять* и *забивать баки* идиоматичность реализуется как в виде непрозрачности, так и в виде переинтерпретации. Кроме того, эти выражения оказываются и более сложным способом указания на денотат, поскольку существует более простой способ выражения тех же смыслов – глаголы *лгать* и *обманывать*. В выражении *точить лясы* представлена еще большая степень непрозрачности (в словаре литературного русского языка попросту нет слова *лясы*), и оно также семантически переинтерпретировано: некоторое предположительно физическое действие переосмысливается как речевая деятельность (ибо это выражение именно некоторый вид речевой деятельности и обозначает).

В книге показано, что идиоматичность представляет собой феномен, выходящий далеко за рамки собственно фразеологии и присущий не только сверхсловным единицам, но и словам. Понятно, что идиоматичность распространяется и на область морфологии. Кроме того, при определенном понимании, как указывают авторы, категорию идиоматичности можно использовать и в лингвистической прагматике – она может быть применена для описания такого известного и важного феномена, как косвенные речевые акты.

Идиоматичность – важнейшее свойство фразеологизмов, но не единственное. Кроме идиоматичности, они, как известно, характеризуются еще и устойчивостью. В книге обсуждается целый ряд параметров устойчи-

вости, к которым отнесены ограничения на образование вариантов, морфологическая дефектность парадигмы и синтаксическая проницаемость.

На основе проведенного анализа категорий идиоматичности и устойчивости формулируется понятие идиомы, а в Главе 2 («Элементы типологии фразеологизмов») дается представление и о других типах фразеологических единиц: о речевых формулах (как классе идиом), коллокациях, грамматических фразеологизмах. Указываются важные семантические и прагматические отличия пословиц от идиом различных типов, в том числе от поговорок.

Первая и вторая главы образуют первую часть книги, посвященную базовым категориям фразеологии. Во второй части речь идет о семантике и синтаксисе идиом. Здесь особое внимание уделяется категории внутренней формы. Этот феномен так или иначе затрагивается практически во всех главах рецензируемого труда. Центральное положение категории внутренней формы во фразеологии подчеркивается и изображением – на обложке книги воспроизводится фрагмент картины Рене Магритта «Империя света». Парадокс картины (кстати, не сразу осознаваемый) состоит в соприсутствии в изображаемом ею мире дня и ночи: дневной свет (светлые облака) органично сочетается с ночным светом – светящимся фонарем перед домом и его освещенными окнами. Не вполне понятно, что авторы отнесли бы к внутренней форме – ночной свет или дневной, но в любом случае парадоксальная картина Магритта соответствует парадоксу семантики идиом. Одновременное существование внутренней формы и актуального значения в семантическом представлении фразеологизмов объясняет те особенности этого своеобразного класса выражений, которые хорошо видны в их употреблении: игровой и образный потенциал, склонность носителей языка к народной этимологизации внутренней формы, неразличение говорящими актуального значения и образной составляющей и т. д.

Следует заметить, что авторы не смогли в полной мере избежать давней традиции использования термина «внутренняя форма» (который по числу упоминаний в предметном указателе конкурирует только с терминами «идиома», «метафора» и «образ / образная составляющая») как интуитивно очевидного: на с. 99–100 и 221–223, выделенных в указателе полужирным шрифтом, несомненно, содержится подробное (особенно во втором случае) обсуждение категории внутренней формы, но ничего, что могло бы считаться ее определением, там не обнаруживается. Сам по себе этот

факт понятен, и у подобной практики имеется почтенная история (да и сама сосредоточенность на строгих определениях в современной методологии науки отнюдь не признается абсолютной ценностью), но более эксплицитно «проговорить» эту интуицию, как кажется, было бы уместно – тем более применительно к одной из центральных категорий исследования. Сказанное, кстати, относится также и к категории образа и ее использованию в тексте монографии.

Зато приемы введения внутренней формы (в том смысле, в каком ее понимают авторы) в толкование и, шире, в модель значения фразеологизмов обсуждаются в книге подробно. Выделяются две основные техники – эксплицитная и имплицитная. В первом случае внутренняя форма вводится специальным семантическим оператором – ‘сопоставимо’, ‘осмысляется’, ‘как бы’, ‘в форме указания на’, ‘аналогично’ и др. Так, значение идиомы *от жилетки рукава [получить...]* описывается так: ‘не получить ничего от ожидавшегося ресурса из-за его несправедливого распределения, что осмысляется как получение несуществующей части чего-л.’ (с. 194). Идиома *по рукам* толкуется с помощью оператора ‘в форме указания на’: ‘выражение готовности одной из сторон взять на себя обязательства по соглашению, сделке, договору и т. п. в форме указания на жест рукопожатия, часто сопровождающий договоренности различного рода и в нормальном случае выполняемый при произнесении данного выражения’.

Использование имплицитной техники не предполагает выделения в модели значения соответствующего внутренней форме компонента с помощью какого-либо специального оператора. Для имплицитной техники характерно использование в толковании следствий из метафоры, лежащей в основе образа, перифразы образа с помощью родовых терминов и т. д. Так, в толковании идиомы *по пальцам можно пересчитать* компонент, который соответствует внутренней форме, не вводится специальным оператором: ‘кого-л./чего-л. так мало, что это легко пересчитать, не используя большие числа’ (с. 203). Более того, не вполне ясно, как в семантической экспликации значения распределяются актуальное значение и внутренняя форма. Фактически эти компоненты в значении рассматриваемой идиомы образуют одно целое – семантическую амальгаму.

Объяснительный потенциал введения категории внутренней формы в модель значения иллюстрируется на примере целой серии идиоматичных словосочетаний (*душе*) *угодно, ни попадя, (ни) попало, придется, под руку попадет*–

ся, бог пошлет. Использование этой категории позволяет объяснить как специфику сочетаемости этих идиом, так и дефектность парадигмы идиомообразования (почему, например, нельзя сказать *как попадется (под руку) или *сколько придется в значении 'сколько угодно').

Соотношению образа и актуального значения идиом с семантикой страха, а также со значением порицания и наказания посвящен особый раздел третьей главы. Представляет значительный интерес и обсуждаемая в Главе 3 проблема образности идиом в когнитивно-психологической перспективе.

Несколько особняком стоит Глава 4, в которой предлагается формализованный механизм, объясняющий когнитивные аспекты формирования актуального значения идиомы на основе структур знаний, стоящих за образным компонентом фразеологизмов. Представленный в этой главе метаязык операций над знаниями в других главах не используется. По сути дела, это набросок совершенно нового подхода к описанию значения фразеологизмов. Однако теоретические основы этого подхода на настоящий момент не выглядят вполне проработанными. Не ясно, например, какой когнитивный статус имеют операции над структурами знаний – верно ли, что это те операции, которые совершает носитель языка, используя идиомы? Или это некая когнитивная модель объяснения актуального значения на основе образа, к которому склонен носитель языка? Авторы, включив эту главу в книгу, не определились в полной мере с теоретическим статусом вводимого формализма. Именно этим, по-видимому, и объясняется его отсутствие в других главах монографии.

В Главе 5 разбирается национально-культурный аспект фразеологии. Главная мысль, с которой автор настоящей рецензии согласен, заключается в том, что традиционная фразеология явно преувеличивала роль национально-культурного своеобразия своего материала. Это объяснялось, видимо, тем, что далеко не все фразеологи-русисты обладали достаточным знанием других языков. Очевидно, что многое из того, что выдавалось за «типично русское», встречается (иногда даже дословно) и в других европейских языках, а порой и не только европейских, так что гораздо чаще приходится удивляться совпадениям во фразеологических трактовках действительности, чем их расхождениям, которые вполне ожидаемы. К тому же хорошо известно, что многие русские фразеологизмы представляют собой просто кальки с французского или немецкого. Исходя из этого, особенно важно выделить и тщательно описать те случаи, где национально-культурная составляющая действительно

является значимым элементом семантики и прагматики идиомы.

Значительный интерес представляет Глава 6, в которой анализируются синтаксические аспекты поведения идиом и которая может рассматриваться как знак внимания, оказанный англосаксонской (на настоящий момент в значительной мере генеративистской) традиции описания фразеологизмов. В этой главе исследуются возможности применения к идиомам синтаксических трансформаций, в частности, ограничения на введение отрицания в структуру идиомы. Поведение идиом по отношению к отрицанию позволяет разбить их на несколько групп, каждая из которых имеет определенные особенности в семантике. В этой же главе разбираются факторы пассивизации идиом и обсуждаются различные группы идиом, которые допускают пассивизацию.

Третья часть книги сосредоточена на проблеме словарного описания идиом. В Главе 7 рассматриваются проблемы создания тезауруса русских идиом. Это не просто теоретические рассуждения, а обобщение конкретного опыта авторов по составлению «Словаря-тезауруса современной идиоматики». Авторы приводят подробную аргументацию в пользу разработки структуры тезауруса не на основании логических и общефилософских представлений о структуре мира, а исходя из анализа конкретного языкового материала. При таком подходе таксоны возникают не «сверху», а «снизу», и не приходится удивляться, что при этом не удастся достичь строгого древовидного представления. Тезаурус, скорее, имеет вид разрозненных деревьев относительно небольшой глубины, причем многие таксоны имеют не только центральную, но и периферийную часть. Такой способ представления таксонов больше соответствует естественному устройству лексической (и фразеологической) системы языка: значения слов связаны друг с другом как семантическая сеть, в которой родо-видовые отношения выступают лишь как относительно небольшая часть реально учитываемых носителем языка отношений. Впрочем, как известно, обсуждение сравнительных преимуществ диалектических по своей природе эвристических установок, к числу которых относится противопоставление индукции и дедукции, всегда носит прагматический характер и не может претендовать на абсолютную истину [Шрейдер 1976].

Словарная тематика продолжается в Главе 8. В ней обсуждается проект фразеологического словаря русского языка, словарные статьи которого содержат подробную информацию об особенностях употребления фразеологических единиц.

Завершает книгу четвертая часть, посвященная проблемам описания идиом в дискурсе. Две первых главы этой части менее теоретичны по сравнению с другими частями книги и построены на анализе конкретных образцов дискурса. В Главе 9 исследуются дискурсивные функции идиом в так называемом дискурсе примирения – в диалогах участников разбирательства в третейском суде, функционирующем в судебной системе Германии. Интересно, что разные люди в различных регионах Германии, пришедшие к третейскому судье по самым разным поводам, употребляют в сопоставимых по аргументативным задачам фрагментах диалога идиомы из определенных (причем тех же самых) семантических полей. Так, аргументируя свое нежелание помириться, они прибегают к весьма близким по значению идиомам из семантического поля конфликт. А третейский судья, разъясняя, в чем состоит риск раздувания конфликта для всех его участников, употребляет идиомы, сопоставимые по семантике с русской пословицей *худой мир лучше доброй ссоры*.

В Главе 10 рассматриваются проблемы описания авторской идиоматики. Сформулированная авторами классификация авторских идиом (авторские лексические модификации, авторские грамматические трансформации, авторские фреквенталии, авторские деархаизмы и собственно авторские идиомы – с. 495 и далее) иллюстрируется на примере ряда произведений Ф.М. Достоевского и «Пиковой дамы» А.С. Пушкина. Особый интерес представляет анализ макроструктурных функций некоторых авторских идиом. Так, на примере использования защитником Дмитрием Карамазовым идиомы *палка о двух концах* показывается роль идиом в организации аргументативной структуры текста.

В последней – одиннадцатой – главе обосновывается оригинальная система стилистических помет, специально разработанная для фразеологизмов. Особенность этой системы в том, что в ней изменена «точка отсчета». Если для обычной лексики точкой отсчета оказывается представление о «нейтральном» стилевом регистре и нейтральные со стилистической точки зрения слова не получают никаких помет, то для фразеологии такой точкой отсчета оказывается разговорный регистр. В предлагаемой системе помет разговорные идиомы никак не помечаются в словаре, а нейтральные, наоборот, получают помету *нейтр.* Это позволяет последовательно провести принцип структурности описания: единицы, составляющие большую часть словника, не маркируются. Разумеется, такая система помет применима только по отношению к фразеологическому словарю.

Совершенно очевидно, что в монографии столь значительного объема и столь богатой по материалу всегда можно найти примеры анализа конкретных языковых фактов, которые могут вызвать несогласие у тех или иных читателей и рецензентов, хотя бы уже в силу одних лишь различий в языковой интуиции. Например, тезис о том, что выражение *сделано с умом* значит 'сделано хорошо', а не 'сделано умно' (с. 61) автору настоящей рецензии представляется спорным (а тем самым спорно и утверждение о дополнительной его переинтерпретации). Аналогичным образом, небесспорно утверждение о том, что словосочетание *маков цвет* не встречается за рамками идиоматичного сравнения *покраснеть как маков цвет* (с. 63): как же быть с весьма известной «Песней киномеханика» Н. Богословского на слова М. Танича из фильма «Берега», начинающейся словами *Маков цвет, липов цвет – какая красота! // Все места на земле – лучшие места* и далее воспроизводящей аналогичный зачин еще дважды? Однако в первом случае можно порассуждать о том, как вообще соотносятся характеристики продукта в терминах качества и умного устройства, и не одно ли это и то же, а во втором усмотреть языковую игру. Все подобного рода случаи, если их количество не превосходит некоторого порога, вряд ли могут рассматриваться как претензии.

К числу же реальных претензий глобального типа, как представляется, можно было бы отнести явное дистанцирование авторов от всего, что связано с этимологией. Интенция их, разумеется, понятна, но есть основания полагать, что жесткое противопоставление синхронии и диахронии в последнее время подвергается такой же эрозии, как и другие дихотомии Ф. де Соссюра, причем развитие когнитивной лингвистики явно демонстрирует свою релевантность для этимологических штудий. Как представляется, объединение традиционных этимологических объяснений идиом с новым аппаратом описания фразеологических феноменов, существенный вклад в разработку которых вносит рецензируемая монография, имело бы большую ценность, чем стремление сосредоточиться на преимущественно синхронном описании. Впрочем, это потребовало бы совершенно другого самостоятельного исследования.

Название рецензируемой книги откровенно интертекстуально: оно с неизбежностью отсылает читателя-профессионала к «Аспектам теории синтаксиса» – ранней книге Н. Хомского, сыгравшей столь важную роль в развитии синтаксической теории. Суждена ли рецензируемой книге столь же славная судьба, покажет время (она, в конце концов, посвящена

проблематике, традиционно более периферийной для лингвистической теории, чем синтаксис, хотя авторы убедительно показывают, что фразеология «простирает руки свои» – позволим себе еще одну цитату – куда шире, чем обычно считается), однако очевидно, что монография А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского вносит существенный вклад в разработку фразеологической теории, позволяя взглянуть на многие категории фразеологии с новой точки зрения. И в первую очередь это касается таких феноменов, как идиоматичность и устойчивость, а также внутренняя форма фразеологизмов в соотношении с их актуальным значением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Словарь-тезаурус 2007 – Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2007.
- ФОСРЯ 2009 – Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2009.
- Шрейдер 1976 – Ю.А. Шрейдер. Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования. М., 1976.

П.Б. Паршин